

Н О В Ы Й

М И Р

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

Ч Е Т В Е Р Т А Я

А П Р Е Л Ь

М О С К В А

4 . 9 . 3 . 0

2. НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Арк. Глаголев

«Что мы недостаточно знаем Чехова,— об этом не может быть спору. Я сказал бы,— меньше кого бы то ни было из крупных русских писателей,— и это несмотря на сравнительно большую литературу о нем».

С этим утверждением А. Дермана¹⁾ нужно вполне согласиться. Дерман совершенно прав, когда констатирует «путаницу и сбивчивость в критической литературе о Чехове». Приводимые им

¹⁾ А. Дерман. «Творческий портрет Чехова». Кооперат. изд.-во «Мир» М. 1929. Тир. 3.000. Стр. 351. Ц. 2 р. 50 к., пер. 40 коп.

фактические справки и примеры весьма убедительно доказывают этот тезис. Дерман и объясняет это явление довольно верно, указывая на то, «что к Чехову у нас подходили либо догматически, либо эпизодически, но не диалектически». Правда, быть может, это суждение Дермана и звучит несколько сурово,— в высказываниях некоторых марксистов о Чехове можно найти ряд правильных мыслей,— но, во всяком случае, эта строгость хорошая, поскольку действительно у нас нет целостного научного исследования

творчества Чехова, и намерение Дермана восполнить этот пробел, дать исследование Чехова на основе «диалектического метода» заслуживает всяческого одобрения и серьезного внимания.

Посмотрим, как осуществляет А. Дерман этот свой научный замысел.

Прежде всего о самом предмете исследования Дермана, об его объекте. Хотя в основу такого исследования, как показывает самое его наименование, — «творческий портрет Чехова», — казалось бы, должно было быть положено непосредственно художественное творчество Чехова, анализ его художественных образов и выяснение их социального генезиса, — Дерман, однако, занят не этой задачей.

Его интересует личность Чехова, его психография, его личное самосознание и эволюция такового. Художественное творчество по большей части привлекается лишь как иллюстрация к общему уяснению развития самосознания личности Чехова. Хотя эта исследовательская направленность Дермана непосредственно на биографию Чехова в свете современных задач научного литературоведения как будто бы и снижает ту актуальность, на которую претендует Дерман, однако, мы не хотим объявить ориентацию Дермана на личное самосознание Чехова, его психографию, совершенно порочной и ненужной. Во-первых, вопрос о биографии художника в литературоведении, несмотря на ряд серьезных доводов против, все еще остается окончательно невырешенным. Во-вторых, даже отрицая нужность биографических исследований для истории литературных стилей, допустимо признать бесполезность такого рода исследований для той научной дисциплины, которую можно было бы квалифицировать как один из видов социальной психологии. Проблема социальной психологии, — не вообще, а как дисциплины близкой и нужной социологии литературы, — у нас еще по существу весьма мало разработана, а между тем таковая, могущая дать ценный вспомогательный, справочный материал для социолога литера-

туры и искусства, должна интересовать последнего. С этой точки зрения исследование самосознания писателей, научное создание их социопсихобиографий представляется нам занятием нужным.

Если, таким образом, можно не возражать против выбора Дерманом объекта своего исследования, хотя тут приходится, повторяем, констатировать отклонение Дермана от своего замысла, расхождение между номинальной и фактической стороной исследования, то с методом исследования чеховского самосознания Дермана примириться уже гораздо труднее.

Дерман хочет применить «диалектический метод», которого он не находил в критической литературе о Чехове. Диалектический метод для нас — это метод диалектического материализма, метод марксистской социологии. В своей книге Дерман нигде не говорит о принципиальном отличии своего «диалектического метода» от метода марксистского (хотя и упоминает о научной неполноте и недостаточности отдельных критических статей о Чехове, принадлежащих перу некоторых марксистов, что, понятно, является принципиально совершенно иным, здесь дело еще не в методе, а в методике). Таким образом, мы имеем полное право судить о работе Дермана именно с точки зрения марксистской социологии. И тут приходится к работе Дермана отнестись критически, ибо таковая во многих своих местах от марксистской идеологии существенно отклоняется.

Самосознание всякого писателя нас интересует лишь как классовое самосознание. Всякая биопсихография для нас является социографией. Личность всякого художника для нас всегда тот или иной, в целом вполне определенный социальный тип. Внутренняя диалектика самосознания художника интересует нас не как интимный автономный процесс «духовного» развития неповторимой индивидуальности, а как органическое отображение, выявление диалектики социального бытия того или иного класса, тех или иных классовых слоев. Субъективное мироощущение, самосознание писательской (как и всякой иной) личности

ценно для нас лишь как материал для познания ее объективной социальной природы.

Дерман же далеко не точно следует этой азбуке марксистской методологии. В его подходе к Чехову момент индивидуальный весьма нередко превалирует над социальным. Его отдельные наблюдения часто остаются социологически неосмысленными. По большей части Дерман исследует не столько классовое сознание Чехова, сколько его «душу» (203), «сферу морального самочувствия и самосознания» Чехова (224), «душевный процесс» (198), «моральный самоанализ» (122), «систему нравственной дисциплины» (164) и т. п. Классовый подход подменяется «моральным», абстрактно-психологическим; объективизм заменяется субъективизмом; научная четкость расплывчатостью и общностью определений.

Схема дермановского исследования «внутренне-психологических процессов Чехова» (238) такова.

Внутренняя деятельность Чехова — «непрекращающаяся напряженная лабораторная деятельность», «сплошной огромный эксперимент». Вечная борьба с внутренними противоречиями. Этот основной тезис Дермана, носящий чрезвычайно общий характер и применимый вполне не только к Чехову, в дальнейшей разработке у Дермана социально нисколько не конкретизируется. Сущность этой чеховской «лабораторной деятельности» по Дерману в том, что от «внутренней холодности» (132 и др. стр.), от «молчания сердца» «при уме обширном и поразительно-ясном» (130) и вследствие этого «дисгармоничной натуры» своей Чехов через «моральное самовоспитание», через «осознание своей холодности» (214), через «художественный самоанализ» таковой (198), путем «системы насильственного внимания к людям» (170) идет к выпрямлению своей личности, к избавлению от своей дисгармонии, холодности и проч. Благодаря этой личной «нравственной дисциплине» Чехову — по Дерману — удастся освободиться от рабского наследия своего мещанского детства и ранней молодости и из писателя, близкого к халтуре, превратиться

в писателя высокой значимости. Неустанный «моральный самоанализ» Чехова превращает — по Дерману — его неустойчивую психологию в революционную!

«... Психологию Чехова в последние годы его жизни будет ближе всего называть революционной. ...Творчество Чехова в этот период («последних годов») было по характеру своему революционным» (344, 346).

И эта дермановская «революционность» Чехова носит столь же неопределенный, расплывчатый характер, как и его утверждение о чеховской дисгармонии, сердечной холодности и проч. И здесь больше «морали», чем подлинной социологии. Революционность Дерман понимает слишком обще, абстрактно, мало научно, «импрессионистически».

«Классификация художников по признаку революционности или консервативности должна быть произведена не на основе отдельных цитат, которые можно у них выудить, а исходя из той атмосферы, которой дышит читатель их произведений...» (346).

«...Подлинно-революционными являются те писатели, которые возбуждают духовный голод в своих читателях, хотя бы изображали они не революционеров, а учителей словесности, баронов Тузенбахов и Душечек, потому что они обостряют нашу ненависть к обветшалым формам жизни, вооружают против косности, в чем бы она не проявлялась. И в этом смысле мы затрудняемся назвать у нас писателя более революционного, чем Чехов» (348).

Однако, без всяких затруднений революционером в этом дермановском смысле можно назвать каждого большого художника¹⁾. Социальную специфику сознания Чехова это определение Дермана нисколько не уясняет. А классификационная ориентация Дермана на читателя вообще знаменует собой отход от той научности, за отсутствие которой сам же Дерман упрекал чеховскую критику. Читатель-то ведь, — как это хорошо ведомо Дерману, —

¹⁾ Вся дермановская схема морального самосознания Чехова, напр., весьма приложима к... Некрасову. Принципиальных различий окажется меньше, чем родства.

является социально чем-то однородным, и «атмосфера» может оказываться весьма не одинаковой. Здесь Дерман окончательно разоружает себя как научного литературоведа.

Дефективность дермановской методологии сказывается не только в этих его общих определениях, но, разумеется, и во всех вытекающих из последних его частных анализах, напр., анализах художественного стиля Чехова.

Художественный стиль Чехова для Дермана не эстетическое выражение определенного классового бытия, а отображение индивидуального морально-психологического процесса Чехова. Так, напр., трактуется Дерманом лиризм Чехова или борьба последнего против литературных шаблонов (в главе X). Отталкивание Чехова от шаблонов «тургеневского стиля» (наблюдение само по себе правильное) не объясняется Дерманом социологически, как отталкивание представителя эстетики одного класса от эстетической системы, художественных канонов другого. Чеховская борьба с литературными штампами Дермана интересует лишь как иллюстрация его индивидуальной морально-психологической борьбы против «зла авторитета, рутины, пошлости, косности, в болоте которых закидает и замирает жизнь» (252). Как и всюду, так и здесь, Дерман оперирует, как видим, крайне общими, расплывчатыми и поэтому научно мало что уясняющими терминами и определениями. Не соци-

логия Чехова, а его «нравственная дисциплина» важна для Дермана, поэтому, напр., тяготение Чехова к «лейкинской юмористике» квалифицируется нашим исследователем — в полном, впрочем, соответствии с общим методологическим «духом» его работы — как «дефект души» Чехова (133)!!

Примеров игнорирования Дерманом в его конкретных анализах идеологии Чехова социального момента, можно привести значительное количество. Возьмем хотя бы проблему атеизма Чехова. «Позиция Чехова здесь чрезвычайно ясна: он атеист, но как и во всем, к атеизму пришел самостоятельно и не поверхностно, и только такой атеизм внушал уважение этому суровому экспериментатору» (318). (Подч. нами. Арк. Г.). «Духовная «самостоятельность» Чехова, его «чисто-индивидуалистическое» «экспериментаторство», столь настойчиво пропагандируемые Дерманом, решительно заслоняют в глазах нашего исследователя социальные причины идеологической специфики Чехова, его «атеизма» в частности.

Социальный образ Чехова в работе Дермана слишком уж заслонен его «самостоятельным» обликом, и это заставляет нас признать замысел Дермана дать законченный научный портрет Чехова неосуществившимся. Сырой материал, собранный А. Дерманом, еще ждет методологически четкой, научно социологической разработки.